

Блок А.

5 августа — Блоковский праздник поэзии. Он проходит в преддверии двойного юбилея: 110-летия со дня рождения Александра БЛОКА и Андрея БЕЛОГО.

На протяжении долгих лет в нашем литературоведении и критике Александр Блок и Андрей Белый составляли своеобразно контрастную пару. Блок воспринимался как поэт революция, Белый разоблачался как ушник и глашатай мистицизма, как зловонный формалист, чьи писания чудны и непонятны народу. Сейчас, когда мы приближаемся к осознанию собственной культурной ценности, делается все яснее, что Блок и Белый — фигуры вполне сопоставимые по своему месту в русской литературе начала века. Думается, что убедительным аргументом в этом плане послужат книги Белого, в последнее время выходящие одна за другой и дающие читателю возможность непосредственно оценить творчество одного из корифеев русского символизма.

Разумеется, история взаимоотношений Белого и Блока также освещалась ранее весьма пристрастно: все симпатии отдавались Блоку, все тени сгущались вокруг Белого. Между тем Блок и Белый не столько противостоят, сколько дополняют друг друга: их духовные идеалы и творческие принципы, основы мироощущения и позиции в литературном процессе были во многом сходными. Еще в 1922 году Корней Чуковский со всей ответственностью заметил: «Мне кажется, что, кроме Андрея Белого, нет сейчас на земле человека, который мог бы дать характеристику Александру Блоку».

В 1982 году в блоковском томе «Литературного наследия» появились дневниковые записи Белого о Блоке, которые их автор вел в первые дни и недели после кончины поэта —

с 8 августа по 6 сентября 1921 года. Эти записи, бедные, неопубликованные, но весьма выразительно и достоверно передающие атмосферу тех траурных дней, сохранились в рукописи не полностью и дополнительно пострадали при публикации: ряд фрагментов, в которых откровенно говорилось о предсмертной трагедии Блока, был из текста изъят. Ниже печатается часть дневника Белого с восстановлением цензурных купюр. Полностью дневники будут опубликованы в составе книги «Андрей Белый. О Блоке». В нее должны войти также «Воспоминания о Блоке», статьи и речи Белого о Блоке. Книга готовится в издательстве «Советский писатель» и планируется на будущий год.

А. В. ЛАВРОВ

Фотография 1907 г.

Андрей БЕЛЫЙ:

«Он как бы приговаривал себя к смерти...»

Анварель Н. ДМИТРИЕВА

Из поминальных записей об Александре Блоке

для мира». — я переживал бы это исчезновение почти физиологически, как утрату арена, слуха и т. д. Так Шуман бессмертен во мне. И таням «Шуманом», музыкой Шумана, был для меня сам Блок, — не Блок поэт, не его величина, а — эмпирическая личность. Он — не мог исчезнуть, пока я жив; он — орган восприятия музыки мною; музыка есть для меня, пока я не оглох; музыки нет — я оглох. Блока — нет: стало быть я навеки стал калой (лишился слуха). Так воспринял я в первую минуту смерть Блока (как если бы внезапно лишился зрения); но из слепец, вспоминая о Свете, создает «Потерянный рай». И я вышел из этих двух часов молчания — просветленным слепцом.

Вечером за чаем мы тихо и светло вспоминали Блока (я и Разумник Васильевич). Р. В. сказал: «Если бы знали руководители атмосферы нашей жизни, что смерть Блока есть ужаснейший приговор нам». Действительно: Блок был насковоз человек, т. е. быть может, только он из всех современных поэтов — поэт собственно, потому что поэт — насковоз человек. Он не был «грандиозным» поэтом, но воздух его стихов, его только, — воздух России двух последних десятилетий: «Мы дети страшных лет России» — сказал он; еще более он был сыном России; ни Бальмонт, ни Брюсов, ни Иванов, ни Маяковский, ни Кюзов, ни Ахматова, никто другой не были в поэзии своей сынами всей России, а были выразителями кружков, сфер, стил, классов; Блок — поэт целой России. И оттого-то воздухом России дышал он не в аллегорическом, а в буквальном смысле слова; многие ныне говорят: «Дышать нечем». И у них это — аллегория. Блок этого не говорил, но после «Синфос» и «Двенадцати» — замолчал словами и стихами; угрюмо нахмурился; и без заявления о том, что «единица»; взял и задохся; воздух России его убил (о том же сказала мне сегодня А. А. «Эго... убил Сапу...»).

Тихо, тихо мы вспоминали вчера А. А.: Р. В. сказал: «Да, это был действительно человек неужели мы будем дерзить чтиль его память «вечерами», «заседаниями»? Я: «Не представляю: я по крайней мере не могу говорить публично пошлостей вроде того, что мы утратили «великого русского поэта» и т. д. Для меня Блок — что-то настолько интимно-нежное, что я не могу выступать с посмертными речами и статьями о нем». (Действительно: мать, братья, жена «великого» ведь не высказывают на эстраду, а молча плачут у гроба, молча вспоминают покойника: для нас с Р. В. Блок слитным близок, чтобы о нем устраивали словесные поминки). Р. В. сказал мне: «Предоставим «Домам Искусства», «Домам Литераторов» чествовать Блока публично; «Вольфильм» он слишком близок, чтобы и она вошла просто в ражир официальных панхидных заседаний... И тут же Р. В. предложил мне с ним вместе прийти за обшную работу о Блоке — работу приготовления материалов воспоминаний о нем, биографии, критических исследований. «Пусть наша память о

нем выразится годами труда и работы». Так и порешили: мы будем справлять память о Блоке, может быть, на протяжении всей жизни нашей.

Сегодня утром приехали на панхиду. Узнали, что панхида ровно в 6: я вернулся в «Спартак»... Скоро зашла София Гитм<ановна> с букетом роз; и сказала: «Вы положите на гроб Блока цветы, как председатель В<ольной> Ф<илософской> Ассоциации». Мы уловившись идти вместе, но мне так хотелось быть одному, идти на панхиду с своими, ничем не развешенными мыслями о нем, что я ушел раньше. Тихо шел по Общественной (адрес квартиры, где умер он: Общественная, д. 57, кв. 23. Ход со двора; второй этаж). Ворота дома выходят на канал, пахнет морем; много травы.

На дворе у полен уже вижу — несколько барышень с цветами; Н. А. Павлович (тоже с цветами) и Одинокий¹⁰ (тоже с цветами). Мы пошли наверх; оттирает прислуга. И тотчас же вижу Александру Андреевну (поседела, бодр); я поцеловал ей руку; она поцеловала меня в губы; и что-то хорошее, хорошее прошло между нами.

Прошел в комнату (где была столовая); все вынесено; комната пустая. Блок лежал на столе; у изголовья его художник Анисимов рисует; и мать И. Д. Блок, Анна Ивановна Менделеева (жена Дмитрия Ивановича) — тоже зарисовывает покойного (она — художница); у меня не хватило смелости «возложить» цветы на покров, которым он покрыт, я просто сунул их на этажерку к цветам же, поцеловал руку Любови Дмитриевне, которая вчера, по словам Р. В. и Форш, все плакала, а сегодня — бодр и строга (только бледна).

Подождал проститься с тем, что уже не Блок: это «то» — изменилось; восковые пальцы, темное лицо, слегка поросшее бородой (очевидно, последнюю неделю не брился); лежал — в сортуке; лицо — изменилось; темное, строго-скорбное, постаревшее; словом — «не Блок»... Понят, что Блок — не здесь, а в нас; и отшел к стене (до панхиды оставалось еще 20 минут); увидел каких-то людей (не понял — кто); узнал лишь Ахматову (в черном трауре, в крестовой, густой вуали); видно она очень огорчена... Тут Александра Андреевна тронула меня за рукав и вывела из комнаты — к себе; я взял ее за плечи и еще раз крепко поцеловал. Она была совершенно спокойна: «Ну вот...» — «Радоваться надь за него: отступай!» — кажется, сказала я. Тут она мне и рассказала последние минуты и дни Блока. Между прочим: она сказала мне: «Саша умер от духа обстоятельств; во-первых от того, что происходит в России; и повторных от трудных отношений между Любов и мной». (Отношения И. Д. к А. А. всегда были натянуты; еще по признаниям мне в 1906 году; от А. А. я никогда не слышал ничего плохого о И. Д.; А. А. всегда говорила: «Люба — огромная!». Вы же, Боря, знаете это!») Что касается до трудности для Блока дышать российским воздухом, то по свидетельству всех лиц, выдавших его за 2 1/2 месяца его болезни, — он говорил, что не мог бы выйти даже на улицы Петрограда; не вынес бы чистого внешнего вида современной жизни; так резко в нем обострилось за последние месяцы (и даже более году уже длилось это настроение) отношение к нашей действительности.

Тихо поговорили мы с А. А. Между прочим она мне сказала, что за эти дни (незадолго до смерти) Саша будто бы сказал, что, кажется, я ему самый близкий человек; если хоть часть этих слов верна (а сомневаться в правдивости А. А. не смею), то это как раз соответствует моему внутреннему отношению к нему (а мы не выдвигали, не разговаривали, не переписывались; тем уверенней во мне было переживание, что все между нами благополучно).

К А. А. пришла какая-то дама; А. А. нас представила: «Вы знакомы?» — «Как же; я знаю Б. И. ...» (ее фамилия — Дельмас; я не узнал этой дамы); я — вышел в переднюю; столкнулся с Анной Ивановной Менделеевой; оказалась, что она живет в «доме отдыха» в Цанском; просила меня зайти к ней.

Я вернулся к покойному; уже коймою напольника; принесли цветы от «Вольфильма» (Векслер); принесли еще много цветов. Среди

Далее зачеркнуто: О «Двенадцати» он не мог слышать. Там сам он отвернулся от темы «Двенадцати»...

лиц, бывших на панхиде, — заметил Кузмина, Одинокого, Ахматову, Паста, Сюньберга, Форш, Княжнина, Павлович, Лурье, Жирмунского, Берштейна, С. Г. Каплуна, К. Г. Каплуна, В. Н. Иванова, Фехнер, Виссель, Векслер, Меринг, и нек<оторых> других «вольфильм» (из «Вольфильма» было много народу), М. В. Сабашиннову, Бруни с женой, Анненкова, Алянского. Вечером у меня была Меринг для подписи проездных бумаг в Царское!; завтра наши едут туда за цветами на гроб от «Вольфильма». Ленгу уже заказали.

9-го августа, Петроград.

Блок вернулся уже из Москвы — больной; нервные переутомление, подагра и цинга вместе (как говорил — впрочем, кто разберет); и уже в Петербурге случился припадок ангины (это было в мае); вторую половину мая, июнь и июль он прострадал; доктора сказали, что только 50 % за то, что он выйдет к жизни и будет жить еще, хотя и с ангиной; но он был очень непокоен; он как бы приговаривал себя к смерти¹⁰; в первое время его надо было скорее на воздух — в образцовую санаторию; таковые были в Финляндии; Горький хлопотал в Москве, но — не пустил; пустили Сологуба, а Блоку отказали; лишь после настойчивого письма и разъяснения Лунгарского — Блока пустили, но — поздно; он уже не мог ехать; канцелярия и бумажное производство и тут потрудились внести свою лепту в разрушение его жизни; с чисто инстинктивной тупостью они выпускают дьявольские директивы, а автора «Двенадцати» держат в плену до... задухи. Последние дни Блок сам не хотел ехать; он — чувствовал приближение смерти, хотел умереть тихо. За несколько дней он прислал Раз<умнику> Вас<ильевичу> несколько из своих книг на память с запиской, на которой изображена чисто детская вышивка (бумага для детей). Р. В. еще говорил мне: «Не нравится мне эта записка: Блок не хочет жить. И стало быть смерть придет...» Он — оказался прав. Очень трагически себя вел Алянский и барышня, которая последние годы всегда с ним (не знаю ее фамилии¹¹).

9-го августа.

Был у Мариэтты Шагинной; она 2 дня плачет о Блоке; рассказывала мне, что ее мучат угрызения совести. Блок ей уже во время болезни послал очень нежное письмо; она же под влиянием своего впечатления от последних слов Блока (объединенных) написала ему бурное письмо; и потом мучилась все 2 месяца; она видела Евангелине Блока с его пометками; и — говорит: «Он был в подлинной Церкви». Под Церковью же она разумеет нечто «свое» (т. е. Христова, а не христианское). Упорила она меня прийти к ней и говорить ей о Блоке (что я о нем знаю); я ей ответил: «Да ведь у меня слов о Блоке — тома на два; что же мне сказать?» Сегодня

Да, Блоковский праздник поэзии откроется рядом с этими руинами.

Фото А. КАРЗАНОВА

Белая церковь на зеленом холме

Видно, дни золотые пришли. Все деревья стоят, как в силках. Ночью холодом вет с земли; Утром белая церковь адала И близка и ясна очертаемь.

Эти строки написаны Александром Блоком в августе 1901 года в Шахматове, в трех верстах от села Тараканова Клинского уезда Московской губернии, где на высоком зеленом холме над рекой Лугоной стояла одинокая белая церковь — храм во имя Архистратига Михаила, на протяжении многих лет причастный жизни и творчеству поэта. Именно здесь, в этой церкви, 17 августа 1903 года юный Блок венчался с Лю-

бовью Дмитриевной Менделеевой, о чем гласит запись в церковной книге, хранящейся ныне в Музее-заповеднике А. А. Блока. А летом 1902 года здесь отпевали скончавшегося в Шахматове деда Блока, Андрея Николаевича Бекетова. Но причастна эта церковь и судьбам многих поколений крестьян, жителей села Тараканова.

Закрyli церковь в 1928 году. Некоторое время она была клубом, потом ее отвели под овощехранилище. В военные лихолетье от взрывной волны рухнули свод и часть восмерника. В 50-е годы церковь пытались разобрать на кирпичи. До наших дней сохранились лишь восьмигранный объем и южный портал храма.

В нынешнем году в селе Тараканово создано православное христианское общество, которое намечается вместе с Государственным музеем-заповедником А. А. Блока принять живое участие в восстановлении храма Архангела Михаила. Однако возрождение церкви сегодня стоит гораздо больших сил и средств, чем в века прошедшие... Поэтому и община, и музей возлагают надежды на помощь общественных организаций, поклонников поэзии Александра Блока, писателей, поэтов и добрых христиан.

А традиционный Блоковский праздник поэзии, 21-й по счету, начнется на этот раз 5 августа, в воскресенье, в 11 часов, на поляне, у церкви Архангела Михаила.

Наталья ПРОЗОРОВА